

Глава 8

Зал утопал в ароматах благовоний и изысканных яств; то и дело раздавался звон сталкивающихся чаш. Чжу Цинчэнь и старые наставники из Академии, как выяснилось, обладали совершенно одинаковыми вкусами — все они души не чаяли в блюдах с кисло-сладким соусом.

Если не считать тех нескольких раз, когда старики поднимали его, чтобы вместе отсалютовать государю, всё остальное время их стол был занят исключительно одним делом: едой. Сосредоточенной, самозабвенной и весьма активной.

Юноша обожал сидеть в компании пожилых людей. Они ели неспешно, тщательно пережевывая каждый кусочек, и то и дело заботливо подкладывали ему в тарелку самые лакомые куски, пододвигая поближе то, что ему особенно приглянулось. Старики опекали его во всём, не забывая о приличиях, и, что важнее всего, никто не смел навязываться к ним с настойчивыми тостами.

Вскоре тарелки на их столе заметно опустели. Цинчэнь отложил палочки и виновато улыбнулся наставникам — аппетит у него сегодня был поистине зверский.

Один из учёных покосился на императора и, улучив момент, когда тот отвернулся, придвинул к себе блюдо. Он ловко смахнул последние кусочки свинины в вишневом соусе прямо в чашу молодого человека.

— Ешь-ешь, Сяо Чжу, макай в соус погуще — так куда вкуснее.

— Благодарю, — отозвался тот и с явным удовольствием доел всё до последней капли.

Другой старик уже собирался позвать слугу, чтобы велеть принести ещё порцию, но Чжу Цинчэнь поспешно его остановил:

— Почтенный, я сыт, право слово, сыт!

Наставник посмотрел на него с сомнением:

— Точно наелся? Ты здесь впервые, не стесняйся. Главное на пиру — уйти сытым. Может, всё же попросим ещё добавки?

— Да правда же, больше не лезет...

Юноша прикрыл рот ладонью, не в силах сдержать тихую, невольную икоту. Только тогда старики наконец поверили ему.

Насытившись, компания принялась за неспешную беседу. Один из коллег украдкой обмахнулся широким рукавом под столом.

— Упарился... Ну и жара, когда пузо полное.

Чжу Цинчэнь, чьи щеки лишь слегка порозовели, пожал плечами:

— Неужели? А мне кажется — в самый раз, очень уютно и тепло.

Старик похлопал его по руке и убедился, что кожа у собеседника прохладная.

— Ты же совсем молодой, отчего же такой зябкий?

Цинчэнь с детства не отличался крепким здоровьем — иначе не оборвалась бы его прошлая жизнь в двадцать лет. Он не стал отвечать, лишь огляделся по сторонам и шепотом спросил:

— Его Величество звал нас созерцать снег, но окна и двери наглухо закрыты. Как же нам любоваться зимним видом?

— Верно, государь и сам холода не жалуется, — вполголоса ответил наставник. — Он большой любитель пиршеств, так что снег — лишь очередной повод созвать гостей.

— Вот оно что, — задумчиво кивнул юноша.

Спустя некоторое время он тихо предупредил соседей:

— Пойду приведу себя в порядок.

— Ступай, это в задней части павильона.

Придерживая полы тяжелого чиновничьего халата, Чжу Цинчэнь осторожно поднялся и, обогнув стол, незаметно выскользнул из зала. После того как слуги проводили его и он умыл руки, пришло время возвращаться.

Едва он вышел на галерею, как в лицо ударил морозный воздух. Цинчэнь вздрогнул, спрятал руки в рукава и прибавил шагу. Скорее назад, в тепло!

Внезапно за его спиной раздался голос князя Цзина:

— Наставник?

Чжу Цинчэнь замер. Неохотно обернувшись, он придал лицу подобающее выражение:

— Ваше Высочество.

Князь подошел ближе:

— Слышал я, наставник взял себе новых учеников. Сейчас стоят лютые холода, вам, как учителю, надобно пуще прежнего беречь себя, дабы и впредь наставлять юношество.

— Благодарю, — кивнул юноша. — Я непременно последую вашему совету.

— Поговаривают также, — продолжал князь, — что на сей раз вы приветили не только отпрысков знатных родов, но и выходцев из простонародья.

— Так и есть.

— Благородные господа порой излишне горделивы. Не ропщут ли они, будучи вынуждены внимать вашим речам бок о бок с безродными бедняками?

— Ничуть. Мои ученики весьма послушны.

— Отраднo слышать. Вы, наставник, человек высокой души, я же в науках и воинских искусствах смыслю мало. Привык, знаете ли, проводить дни на охоте, да вот из-за снегов теперь и это недоступно.

Они стояли на самом сквозняке. Пронизывающий ветер, перемешанный с колючей снежной крупой, завывал под сводами галереи, а собеседник всё не унимался, пускаясь в пространные и путанные рассуждения.

«Ну и холодина!» — Цинчэнь сильнее вжал голову в плечи и шмыгнул носом, горько жалея, что оставил свою грелку в зале.

Внезапно князь перешел к делу:

— Если наставник не побрезгует моим обществом, я бы и сам хотел навеститься в вашу обитель, дабы разделить с юношами ученые беседы. Я не мечтаю в чиновники, но побыть подле вас, укрепить свой дух и нрав — это ли не благо?

Молодой человек слегка приподнял веки и заметил в глазах князя мимолетный, расчетливый блеск.

«Так вот оно что. Ждал удобного момента».

Он столько сил вложил в то, чтобы отобрать лучшие таланты, а князь Цзин решил явиться на всё готовенькое. Какое там «укрепление нрава»? Ясно же — пришел переманивать людей. Если позволить ему действовать привычными методами — завлекать вином, принуждать, а потом тащить в постель, заставляя днем готовить мятеж, а ночью согревать ложе...

Чжу Цинчэнь даже не подозревал, что на свете бывают такие наглецы. Размечтался!

Видно, все те слова, что были сказаны в лавке семьи Пэй, пролетели мимо его ушей. Если хочешь привлечь сторонников — делай это честно: либо плати, либо делись помыслами. Где это видано — так беспардонно лезть к чужим ученикам? Они ведь еще совсем дети, наивные и чистые, и наставник ни за что не пустит волка в овчарню!

Справившись с гневом, он произнес со всей серьезностью:

— Боюсь, грубость и невежество моих подопечных могут оскорбить Ваше Высочество.

Князь не отступал:

— Ежели наставник опасается, что я приведу с собой праздных гуляк, кои нарушат ваш покой, то напрасно. Я явлюсь один и не доставлю вам ни малейших хлопот.

— Вы излишне добры к нам, Ваше Высочество, — бесстрастно отозвался Чжу Цинчэнь. — Мои ученики — люди неотесанные и поверхностные. В моем доме они лишь прячутся от родительских строгостей, чтобы поест да позубоскалить. В их занятиях нет ни капли истинного проку.

— Я полон благих намерений, к чему же эти отговорки?

— Близятся весенние экзамены, и я уже запретил им приходить ко мне ради забав. Так что ваше посещение будет напрасным.

Князь явно не ожидал столь прямого отпора и на мгновение даже лишился дара речи.

— Здесь очень холодно. Вашему Высочеству стоит поскорее вернуться в зал, дабы не подхватить лихорадку.

С этими словами юноша вежливо поклонился и решительно зашагал прочь.

Глядя ему в спину, князь Цзин непроизвольно сжал кулаки, скрытые широкими рукавами.

Что не так с этим учителем? Он проявил к нему небывалую почтительность, а тот не желает уступить ни на йоту! Он ведь всего лишь хотел зайти в гости, а наставник ведет себя так, будто перед ним заклятый враг. В конце концов и вовсе «опрокинул стол», запретив приходить даже собственным ученикам — лишь бы не видеть его?

Неужто он что-то заподозрил? Невозможно. Они почти не общались, а все дела князя были надежно скрыты. Наставнику просто не на чем основывать подозрения.

Князю осталось лишь списать всё на скверный и причудливый нрав собеседника и вернуться в главный зал вслед за ним.

Оказавшись на своем месте, Чжу Цинчэнь наконец согрелся. Старый наставник участливо спросил:

— Что же ты так долго?

— Задержался на ветру, — уклончиво ответил юноша.

— Вижу, лицо совсем заledenело. Тут как раз новые блюда принесли — хочешь еще перекусить? Появилось место в животе?

— Угу, — кивнул Чжу Цинчэнь. Пустой треп с князем на морозе снова пробудил в нем голод.

Он зачерпнул ложку супа, но не успел донести её до рта — в носу предательски зачесалось. Поспешно отложив ложку, он отвернулся и, прикрыв рот рукой, тихо чихнул.

— А-пчхи!

«Проклятый князь Цзин! Всё-таки простудил меня!»

Император, подпирая голову рукой, продолжал созерцать танцы, но его взгляд на мгновение коснулся фигурки за столом наставников.

Луна поднялась в зенит; пир подходил к завершению. Слуги, неся деревянные подносы, подали последнее угощение — чаши с густым имбирным отваром на тростниковом сахаре.

Главный евнух, стоя за спиной императора, провозгласил:

— Ночь глубока, роса тяжела. По милости Его Величества примите дар, дабы согреться.

Благодарите государя!

Чжу Цинчэнь вместе со всеми склонился в благодарственном поклоне, после чего обеими руками поднес чашу к губам и осушил её одним махом.

Острый, жгучий отвар мгновенно разлился теплом по конечностям. Нос задышал свободнее, а тяжесть в голове немного отступила. Юноша подумал, что этот император, возможно, не такой уж и плохой — по крайней мере, он заботится о своих людях.

А вот князь Цзин... Хм! Тот готов был часами держать его на сквозняке ради собственных интересов. Самовлюбленный и упрямый гордец.

Наставник покинул дворец вместе с остальными чиновниками. Он заботливо помог старикам забраться в их экипажи и, только убедившись, что все в безопасности, сел в свой экипаж.

Завернувшись в плащ, он велел слуге:

— Скорее! Домой, поскорее!

В таких делах у него был опыт: после имбирного отвара нужно сразу лечь под одеяло и проспаться до утра — тогда пронесет. Стоит хоть немного промедлить, и лихорадка свалит его на неделю.

Дома Чжу Цинчэнь поспешно переоделся, наскоро умылся и нырнул в постель, закутавшись в одеяло, точно в плотный кокон.

Система ехидно поинтересовалась:

— Что, сегодня по дому не тоскуешь?

— Тоскую, — проворчал он из-под одеяла. — Но сегодня обойдусь без стенаний. Буду скучать по дому тихо и мирно.

— Скажи, — снова спросила Система, — увидев сегодня «самодура», как ты считаешь: кто из них лучше на троне — он или князь Цзин?

— Оба хороши, — не задумываясь, ответил юноша.

— А если всё же выбирать?

— Ну... — Цинчэнь задумался. — Пусть лучше остается этот «самодур». Он хотя бы понимает,

что чиновникам нужен имбирный суп, а князь Цзин знает только, как унижать людей.

— Справедливо.

— К тому же этот император довольно прост: у него нет за душой двойного дна, ему бы только пировать да веселиться. Такими управлять куда легче. А князь слишком изворотлив, его не подчинишь.

Система была потрясена:

— Подчинить?! Ты кто — верный подданный или коварный временщик? Ты всерьез думаешь о том, как контролировать государя?!

— Если император мудр — я буду его верным слугой. Если он глуп — стану всесильным канцлером, — Чжу Цинчэнь уткнулся лицом в подушку. — Впрочем, с мудрецами тоже непросто. Вспомни Ли Юэ — упрям как бык, вечно приходилось его уговаривать да лаской брать. Сплошная морока.

В сознании прозвучал голос Системы:

[Для носителя автоматически выбран лагерь Императора (в режиме новичка доступна одна смена стороны)]

Система хотела было еще что-то сказать, но Чжу Цинчэнь уже уснул. Из-за заложенного носа он издавал во сне едва слышное, забавное сопение. Световой шарик замер у изголовья. Носитель сегодня спал непривычно смирно, не ворочаясь с боку на бок — Системе даже стало немного не по себе от такой тишины.

По милости князя Цзина Чжу Цинчэнь всё же проболел два дня. И все эти два дня он, не вставая с постели, на все лады поносил злосчастного принца.

Зато император, узнав, что наставник занемог после пира, прислал к нему лекаря из Тайиюань и передал редких снадобий для скорейшего выздоровления.

В своем мысленном списке юноша молча добавил «самодуру» еще один балл.

В тот же день после занятий его пришли навестить ученики. Чжу Цинчэнь, бледный и немощный, полулежал на подушках в образе «бедного одинокого учителя» и меланхолично жевал сушеные фрукты, принесенные подопечными. Очень скоро от внушительного свертка осталась едва ли половина.

Лю Ань попытался воззвать к его разуму:

— Наставник, мы принесли это, чтобы вы могли заесть горечь лекарства. Лекарь предупредил: много есть нельзя, только один этот сверток. Если съедите сейчас — на потом ничего не останется.

Чжу Цинчэнь отправил в рот очередную ягоду:

— У меня во рту совсем пусто, никакой вкус не держится. Еще одну, только одну...

Лю Ань отодвинул угощение подальше, и тогда учитель спросил:

— Как ваши занятия у старого наставника? Всё ли было понятно?

— Жаловаться не на что, Старый наставник Гао объясняет весьма доходчиво, — ответил Лю Ань.

— Отрадно слышать, — кивнул юноша и перевел взгляд на Пэй Сюаня и остальных. — А вы? Повторяли ли пройденное? Писали ли сочинения?

— Не извольте беспокоиться, учитель, — заверил Пэй Сюань. — Мы трудимся ежедневно, все работы бережно храним и ждем вашего выздоровления, чтобы представить их на ваш суд.

— Хорошо... — Цинчэнь со слабым вздохом откинулся на подушки, улучив момент, чтобы стянуть еще один кусочек кураги.

Спустя некоторое время слуга доложил:

— Наставник, князь Цзин прибыл справиться о вашем здоровье. Ожидает в теплой комнате.

Услышав это, Чжу Цинчэнь мигом забыл о фруктах. Он рывком откинул одеяло и вскочил на постели.

— Да он издевается?! — выпалил он, не сдержавшись. — Привязался как банный лист, не отодрать!

Юноша стоял прямо на ложе, а ученики, окружившие его, смотрели на учителя с нескрываемым изумлением. Только сейчас он понял, что высказал свои мысли вслух.

Он поспешно прикрыл рот платком, издал пару натужных смешков и, точно порция фирменной хрустящей курочки без костей из Башни Созерцания Прилива, в мгновение ока «обессиленно»

рухнул обратно на подушки.

— Ох, как голова кружится... Мочи моей нет гостей принимать. Кто-нибудь, будьте добры, передайте Его Высочеству мой низжайший отказ!

<http://bllate.org/book/15820/1423073>